

С О О Б Щ Е Н И Я

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

СКАНДИНАВСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1955 г. НА ШПИЦБЕРГЕН

(Открытие остатков становища русских поморов XVIII в.)

Шпицберген, ближайший к континенту Европы арктический архипелаг, издавна привлекал к себе внимание исследователей. Но до сих пор его изучали географы, биологи, геологи и представители других естественных наук. С 1955 г. впервые на Шпицбергене начали работать экспедиции археологов и этнографов.

Летом 1955 г. научными организациями четырех скандинавских стран была организована совместная археолого-этнографическая экспедиция на Шпицберген. Инициатором и руководителем экспедиции был шведский археолог Х. Христьянссон (Упсальский университет). В экспедиции участвовали этнографы профессора Х. Тегенгрен (университет в Турку, Финляндия) и Г. Неллеман (Дания), археолог О. Ольсен (Дания), археолог П. Симонсен (Норвегия) и знаток Шпицбергена Т. Маркусен (Норвегия). Экспедиция была организована на частные средства и пожертвования от различных научных организаций; наибольшую помощь оказал Музей норвежского заполярного города Тромсе, в фонды которого должны были быть переданы все материальные находки.

Пока опубликован только краткий предварительный отчет Х. Христьянссона о результатах работ этой экспедиции¹, представляющей значительный интерес для советских ученых.

Какие вопросы должна была решить экспедиция?

История Шпицбергена по письменным источникам может быть прослежена, как известно, лишь с конца XVI столетия; первое безусловно достоверное письменное свидетельство об этом архипелаге было сделано экспедицией Баренца (1596 г.)². Между тем, сейчас большинству исследователей совершенно очевидно, что Шпицберген был открыт и посещался с промысловыми целями задолго до Баренца. Очень большой интерес для исследователей представляет вопрос: кем (представителями какого народа) был впервые открыт Шпицбергенский архипелаг? На этот счет существуют две точки зрения. Зарубежные, главным образом скандинавские, ученые, ссылаясь на глухие и неопределенные упоминания в средневековых скандинавских источниках какого-то острова в северных морях, предполагают, что открытие Шпицбергена было совершено норвежцами. Советские ученые, основываясь на ряде косвенных данных, высказывают мнение, что Шпицберген был задолго до Баренца открыт и посещался для промысла русскими поморами³.

Нужно иметь в виду также, что изученность письменных источников о Севере до XVII в. (и у нас, и в скандинавских странах) такова, что нет серьезных оснований рас-

¹ Н. Christiansson, Den kulturhistoriska expeditionen till Spetsbergen 1955, «Fornvännen», Stockholm, 1956, стр. 286—289.

Краткое сообщение о результатах этой экспедиции опубликовано также в английском обзорном журнале «The Polar record», т. 8, № 55, Cambridge, 1957, стр. 348—349.

² Недавно была выдвинута гипотеза о том, что существует письменное известие об открытии Шпицбергена за 100 лет до Баренца, в конце XV в. (П. Фрумкин, К истории открытия Шпицбергена, «Летопись Севера», II, 1957, стр. 142—146). Однако эту гипотезу нельзя признать вполне убедительной. Не менее, если не более вероятно, что в упоминаемом автором известии об открытии некоего острова в полярном море подразумевается Новая Земля.

³ См. М. И. Белов, Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. «История открытия и освоения Северного морского пути», т. I, М., 1956, стр. 66, 67; В. В. Мавродин, Русское полярное мореходство до XVI в., «Вопросы истории», 1954, № 8, стр. 107.

считать когда-нибудь найти новые письменные источники, которые прольют свет на начало освоения Шпицбергена. Поэтому единственную возможность разрешить данную проблему может дать лишь экспедиционное исследование, в результате которого могут быть найдены следы посещения Шпицбергена европейскими мореходами в древнейшее время.

После путешествия Баренца, в течение XVII в. Шпицберген был мировым центром китобойного промысла и регулярно посещался китобоями-промышленниками из Англии, Дании, Норвегии и других европейских стран; на побережье архипелага существовало тогда много временных становищ китобоев и даже небольшой городок Сmeerенбург. В XVII—XVIII вв. Шпицберген постоянно посещали русские поморы-промышленники, имевшие много становищ, где они жили иногда по несколько лет. Изучение остатков поселений промышленников XVII—XVIII вв. представляет большой интерес для науки.

Кроме того, на Шпицбергене были сделаны единичные находки, похожие на памятники «арктического палеолита» северного побережья Скандинавии⁴. Поэтому возникла необходимость попытаться экспедиционным путем выяснить, жил ли действительно на Шпицбергене человек «арктического палеолита», или Шпицберген во время каменного века был необитаем.

Районом работ скандинавской экспедиции 1955 г. было избрано южное побережье Исфюрда, самого большого залива на западном берегу Шпицбергена. На берегах сурового арктического архипелага вообще не так много мест, пригодных для устройства становищ; исследователями был выбран участок у устья небольшой речки, благоприятный для устройства промыслового поселения, для охоты на моржа, белуху, птиц, для ловли лосося и т. д. Данные топонимики позволяют связывать эту местность с русскими: речка носила название *Russeelven* (Рюссельвен — Русская река), само место у устья реки называлось *Russekeila* (Рюссекейла); неподалеку находился мыс Старости-на. Здесь и решено было начать изыскания с тем, чтобы распространить их затем на значительную часть побережья Исфюрда.

К сожалению, погода в августе 1955 г. на Шпицбергене оказалась крайне неблагоприятной для работ экспедиции. Тяжелые штормы и постоянные дожди вынудили ученых ограничить свою деятельность лишь первоначально избранным местом у устья реки Рюссельвен и не позволили организовать дальних разведывательных походов; удалось провести лишь несколько небольших рекогносцировок за несколько километров от экспедиционного лагеря. Все внимание исследователей было поэтому сосредоточено на работах в Рюссекейла.

Основным результатом работ экспедиции явилась находка здесь остатков становища русских поморов-промышленников XVIII в. За время работ экспедиции — с 21 июля по 27 августа — исследователями были произведены раскопки всей площади становища (около 200 м²) и, по словам руководителя работ — Христьянссона, были получены более богатые этнографические результаты, чем когда-либо можно было ожидать. Всего было найдено около тысячи различных предметов — орудий охоты, рыбной ловли, ремесла, предметов домашней утвари, одежды, обуви и т. д.

Поморское становище состояло из шести построек. Главная из них — жилой дом размером 5 × 5 м, кроме того, баня, кузница, склад и еще две постройки неизвестного назначения. Это были хорошие, прочно построенные деревянные здания⁵. Жилой дом и баня были срублены из бревен, стены остальных построек состояли из вертикально стоящих бревен. От срубов сохранились нижние венцы, от других построек — нижние их части. Исследователи с полным основанием полагают, что эти дома были подготовлены еще на материке и привезены на Шпицберген в готовом для сборки виде. Несколько необычны только крыши домов: они были плоскими, покрыты глиной и камнями. Кстати говоря, это обстоятельство оказалось весьма благоприятным для исследователей: крыши в свое время упали плашмя на пол домов, сохранив под собой все, что к этому времени оставалось внутри каждого дома; поэтому-то изучение поселения и дало такое большое количество вещевых находок.

Жилой дом имел окна — были найдены остатки ставен, а также стеклянных и слюдяных оконниц. Внутри дома сохранились остатки кирпичного очага. Вдоль стен были устроены нары, покрытые шкурами белого медведя. Полы во всех зданиях были земляные. У стен главного дома удалось проследить наличие четырех культурных наслоений (в ряде мест — со стерильной песчаной прослойкой между ними). К сожалению, в основной части дома последовательность слоев была нарушена во время различных перестроек. В верхних трех прослойках были найдены остатки кирпича, вероятно от перестройки очага. По-видимому, четыре культурных наслоения соответствуют периодам обитания в этом становище поморов; между этими периодами могло протекать и несколько лет, и несколько десятилетий. По мнению исследователей, время сущест-

⁴ В Берлине перед второй мировой войной находился привезенный со Шпицбергена «каменный топор»; правда, по мнению Христьянссона, этот «каменный топор» был естественного происхождения, ибо он был найден на месте, целиком покрытом треснувшими от мороза кусками сланца, среди которых многие имели формы, похожие на топор или кинжал. Кроме того, в музее в Гетеборге хранится найденный в бухте Темплебей на Шпицбергене осколок кремня, на котором, по мнению того же Христьянссона, имеется «явная ретушь» (Указ. раб., стр. 289).

⁵ Так их характеризует сам Христьянссон (Указ. раб., стр. 287).

ования становища относится к XVIII в., кроме, может быть, нижнего слоя, который может относиться к более раннему времени.

Датировка становища облегчается тем, что на упавших внутрь жилого дома балках потолка вырезаны две даты: «1776» и «1787». Национальная принадлежность жителей становища, кроме этнографической специфики построек и найденных там вещей, бесспорно подтверждается наличием русских надписей на некоторых из этих вещей.

Большой интерес представляют многочисленные вещевые находки, характеризующие материальный быт поморов XVIII в. К сожалению, в опубликованном предварительном отчете этой экспедиции не приведено никаких изображений найденных вещей и дано лишь беглое их перечисление⁶.

Среди найденных вещей, естественно, значительную часть составляют орудия охоты и рыбной ловли: рогатина для охоты на белого медведя, части ловушек и капканов для охоты на различных пушных зверей, удочки и т. д. Найденны также предметы домашнего обихода: светцы для лучины, многочисленные обломки глиняной посуды, глиняные лампы, различные гребни и т. д.; внутри постройки, служившей, вероятно, складом становища, были найдены в нетронутом виде две большие деревянные бочки и хорошо изготовленная глиняная кружка.

Внутри построек в Руссекейле найдены: многочисленные куски кожи, колодки, сапоги, инструменты кожевенного и сапожного ремесла; заготовка для бочек и инструменты бочаров; станок для починки сетей. Специальная постройка, как уже отмечалось, была отведена для кузницы. Многие деревянные предметы украшены искусной резьбой, тоже, вероятно, выполненной на месте во время длительной полярной зимовки. Известно, что поморы, зимовавшие на Шпицбергене (Грумманте) и на Новой Земле, вообще старались не оставаться в бездействии, зная, на основе векового опыта, что оно способствует заболеванию цингой, и занимались во время зимовок различными ремеслами. Жители становища Руссекейла также играли в шахматы и другие игры. При раскопках найдено, в частности, несколько шахматных фигур старинного образца; эти шахматные фигуры относятся, по-видимому, к нижнему слою становища и напоминают шахматы, найденные в раскопках норманских поселений XI—XV вв. в Гренландии.

Рядом со становищем находилось небольшое кладбище с десятком могил. Два погребения были экспедицией раскопаны; покойники были перед захоронением завернуты в куски грубой ткани.

Находка остатков становища русских промышленников — «груманланов», освоивших далекий заполярный архипелаг Шпицберген, представляет, безусловно, большой интерес для советской науки. О «груманланах» мы имели до сих пор лишь письменные сведения. Теперь открыты ценные памятники материальной культуры, по которым можно будет до известной степени воссоздать быт русских полярных мореходов-поморов XVIII столетия, а может быть, и более раннего времени.

Материалы раскопок в Руссекейле показывают, что в таком селении русские промышленники могли прожить и год, и два, не терпя особых лишений. Чувствуется, что жители исследованного поселения использовали многовековой опыт своих предков-поморов в деле приспособления к суровым условиям жизни в Заполярье. Их дом мог хорошо противостоять полярной стуже и непогодам; в селении было все необходимое для длительной жизни на далеком и негостеприимном арктическом острове — склад для припасов, помещения и инструменты для различных ремесел, все, что нужно для рыбной ловли, охоты и т. д.

Как уже отмечалось, из-за неблагоприятной погоды исследователи смогли произвести дополнительные разведки лишь на недалеком расстоянии от своего лагеря. Небольшие раскопки были произведены в Фестингенге, в устье Гренфьорда, в 5,5 км к востоку от Руссекейла, и в Рандвике, на берегу Исфьорда, в 7 км к востоку от того же пункта; в обоих местах также обнаружены остатки становищ XVII—XVIII вв.

Очень мало удалось сделать экспедиции для изучения периода каменного века на Шпицбергене. Вдоль высохшего русла речки в нескольких километрах к востоку от Руссекейла было обнаружено несколько мест с выходами кремня. Там собраны осколки кремня, из которых некоторые имели ретушь. Правда, по мнению Христьянссона, не исключено, что эта ретушь образовалась естественным путем; но один из найденных кремней имеет, по-видимому, следы искусственной обработки. Христьянссон считает, что Шпицберген был идеальным местом для обитания охотников эпохи палеолита. Большие стада оленей, обильная морская фауна и богатая флора, по его мнению, могли дать человеку необходимые средства существования.

Таким образом, скандинавские исследователи признают, что объективные природные условия на Шпицбергене делали заселение острова человеком в период «арктического палеолита» вполне возможным; однако считают, что известные к настоящему времени находки кремней с ретушью не могут еще служить бесспорным свидетельством этого.

⁶ В значительной мере это вызвано тем, что участники экспедиции не обладали специальными познаниями в русской этнографии и потому не смогли определить назначение значительной части найденных вещей. К тому же быт поморов XVIII в. имел немало своеобразных черт, отличавших его от обычного русского крестьянского быта средней полосы. В октябре прошлого (1957) года проф. Х. Тегенгрен специально приезжал в СССР, чтобы с помощью советских этнографов и путем сравнения с материалами советских этнографических музеев определить название и назначение многих предметов поморского обихода, найденных экспедицией на Шпицбергене.

Исследователи, поднимающие вопрос о заселении Шпицбергена, недостаточно учитывают одно обстоятельство: человек «арктического палеолита» с его еще весьма примитивными материальными ресурсами должен был, чтобы достичь Шпицбергена, преодолеть значительное пространство незамерзающего Баренцова моря. Было ли это осуществимо на той стадии развития? Нам думается — едва ли. Для ответа на этот вопрос требуется обладание большим количеством данных, дальнейшее изучение прошлого Шпицбергена.

Скандинавская экспедиция 1955 г. носила в значительной мере, как уже упоминалось, разведывательный характер: нужно было установить, может ли вообще Шпицберген явиться ареной археолого-этнографических исследований. Результаты превзошли все ожидания. Экспедиция ясно показала, что эти исследования могут дать богатые результаты, во всяком случае — для изучения памятников XVIII в.

Успех экспедиции 1955 г. сделал вполне реальным проектирование новых археолого-этнографических исследований на Шпицбергене. Для решения научных проблем, вставших перед исследователями Шпицбергена, потребуется немало лет экспедиционных работ. Новая скандинавская экспедиция на Шпицберген запланирована на лето 1958 г.⁷

⁷ Подробную публикацию результатов экспедиции и находок исследователи предполагают дать после нескольких сезонов экспедиционных работ.